

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

P.S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Владимир Набоков как конлангер: опыт комментария к фразам на искусственном языке в романе «Под знаком незаконнорожденных» (*Bend Sinister*)¹

Vladimir Nabokov as a Conlanger: a Draft of a Commentary on the Constructed Language in *Bend Sinister*

Аннотация

Данная статья представляет собой попытку дать комментарий к фразам на «куранианском языке» в романе В.В. Набокова «Под знаком незаконнорожденных» (*Bend Sinister*). Дается анализ слов и словосочетаний с поиском возможных источников и влияний. Ставится вопрос о том, можно ли считать это лишь языковыми играми полиглота² или перед нами полноценный искусственный язык (конланг).

This paper is an attempt at commenting upon the phrases in the fictitious “Kuranian” language in Vladimir Nabokov’s *Bend Sinister*. The author analyses the words and collocations found in the novel, seeking their possible sources and influences. A question arises as to whether that should be regarded as polyglot’s wordplay or it is a constructed language (conlang) in its own right.

Ключевые слова

творчество В.В. Набокова на английском языке, вымышленные языки (конланги), языковые эксперименты, «говорение на языках»

Vladimir Nabokov’s English fiction, constructed languages (conlangs), language experiments, speaking in tongues

Взаимодействие, даже «столкновение», языков в художественном тексте — один из популярных приемов в художественной литературе, как реалистической, так и аван-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

² Ср. точку зрения А. Филонов-Гоув.

гардной. Он тесно связан с проблемой двуязычия автора (см. такие работы, как [2; 8; 14; 16]). Данное исследование посвящено одному из видов такого взаимодействия в текстах Владимира Набокова, а именно созданию искусственных, или, скорее, вымышленных, языков (конлангов)³.

В своих англоязычных произведениях Набоков выступает одновременно как автор и как филолог, комментирующий свое творчество и оставляющий глоссы и пометы, например, *However (odnako), it really is hot here (i zharko zhe u vas)! [Pn]*; *Khoroshen'koe polozhen'itze [a pretty business] [BS]*; *Madame Shchemyashchikh-Zvukov ('Heart rending-Sounds')* [Ad]. В отличие от сносок, подобные пометы помещены непосредственно в текст как вставные конструкции, поэтому наиболее корректно будет именовать их именно глоссами. Глоссировка может быть истолкована как пояснение для читателя — как русско-, так и англоязычного. Такое пояснение особенно актуально при игровом употреблении лексем и идиом, каламбурах и межъязыковой параномазии (ср. последний из приведенных примеров). В «Пнине» они служат (наравне с использованием русского синтаксиса в английской речи Пнина) для демонстрации того, что главный герой продолжает думать и писать по-русски, ср. в письме Пнина бывшей жене: *sensitive (chutkiy) person; [is] drinking himself to death (govoryat, spilsya)* [16, 20]. Одновременно такие глоссы становятся дополнительным свидетельством неспособности героя ассимилироваться в Америке. Автор дает это понять не только эксплицитно — его герой говорит на английском языке с интерференцией русского синтаксиса и сочетаемости, — но и имплицитно, ср. эпизод во второй главе, в котором реплика Пнина на искаженном английском — *In two-three years <...> I will also be taken for American* ‘через два-три года я тоже буду принят за американца’ — встречена дружным хохотом собравшихся.

В отличие от «Пнина», действие «Под знаком незаконнорожденных» происходит в вымышленной стране *Sinisterbad* (обыгрываются значения прилагательных *sinister* ‘зловещий, мрачный; левосторонний’ и *bad* ‘злой, плохой’). В «Под знаком незаконнорож-

³ Под термином *искусственные языки* часто понимаются плановые вспомогательные языки межнационального общения (эсперанто, интерлингва) и логические языки (логлан, ложбан). Во избежание путаницы, для обозначения нашего объекта мы используем слово *вымышленные*. Ср. также [3; 7].

денных» главный герой — известный философ из восточноевропейской страны, имя которой не упоминается нигде, кроме предисловия (в форме прилагательного *Kuranian*). В предисловии к «Под знаком незаконнорожденных» (в переводе С. Ильина оно перемещено в конец романа) Набоков пишет:

The language of the country, as spoken in Padukgrad and Omigod, as well as in the Kur valley, the Sakra mountains and the region of Lake Malheur, is a mongrel blend of Slavic and Germanic with a strong strain of ancient Kuranian running through it (and especially prominent in ejaculations of woe); but colloquial Russian and German are also used by representatives of all groups, from the vulgar Ekwilist soldier to the discriminating intellectual [BS] («Язык страны, на котором говорят в Падукграде и Омибоге, равно как и в долине Кура, в Сакрских горах и в окрестностях озера Маллер, — это дворняжичья помесь славянских языков с германскими ⁴, значительно отягощенная текущей в ней наследственной струей древнего куранианского (особенно ощутимой в выражениях горя); однако разговорные русский и немецкий так же используются представителями всех слоев населения — от неотесанных солдат-эквилистов до несомненных интеллигентов») [ПЗН].

Следует отметить, что гораздо чаще русского и немецкого в романе используются французские выражения, причем, в отличие от прочих, они всегда даются без перевода. Т. Конли и С. Кейн предполагают, что *Kuranian* — контаминация названий *Kurlandian* ‘курляндский’ и *Ukrainian* ‘украинский’ ⁵ [10, 20—21]. Таким образом, в названии смешиваются этноним и прилагательное, обозначающее географическую принадлежность.

А. Филонов-Гоув (Antonina Filonov-Gove) называет данные языки игрой полиглотта и исследованием границ между языками, при котором нельзя точно угадать значение

⁴ Интересно, что в самой этой цитате нет созвучий с германскими языками. Вместо этого можно увидеть явные отсылки к латыни и романским языкам, ср. *Sakra* (вероятно, лат. *sacrum* ‘святое’), фр. *malheur* ‘несчастье’.

⁵ Любопытно, что в произведении «S.N.U.F.F.» В.О. Пелевина — современного автора, постоянно использующего аллюзии на Набокова и реминисценции из него (ср. *My sister, do you still recall // Как Ельцин бился мордой в пол* [БА]) — обнаруживается похожий, однако гораздо более прямолинейный, намек: государство *Уркаинский уркаганат* (отметим, что официальным языком «уркаганата» является т.н. верхнесреднесибирский «на базе украинского с идишизмами» [S] — аллюзия на существовавший некоторое время в Википедии раздел на искусственном «сибирском говоре».

какого-либо слова [11] ⁶. В таком случае возникает закономерный вопрос: можно ли считать приводимые в «Под знаком незаконнорожденных» фрагменты примерами искусственного языка (конланга) или это всего лишь языковая игра? Предлагаемая статья представляет собой опыт комментария к «куранианским» примерам из романа.

Эта тема перекликается с идеей глоссолалии («говорения на языках»), заумного языка (ср. творчество А.Е. Крученых, Велимира Хлебникова, Э. Каммингса, Дж. Джойса [9]), поскольку в художественном тексте с реально существующими языками могут взаимодействовать и вымышленные. Это языки, изначально не предназначенные для межнационального общения. Часть из них создавалась как элемент антуража для произведений в жанрах научной фантастики, фэнтези (характерные примеры — квэнья (*Quenya*) Дж.Р.Р. Толкина, клингонский (*Klingon, tlhIngan Hol*) ⁷ М. Окранда, на'ви (*Na'vi*) ⁸ П. Фроммера, дотракийский (*Dothraki*) и валирийский (*High Valyrian, Low Valyrian*) ⁹ Д. Дж. Питерсена. Часть из них — экспериментальные, например, *ыфкуиль* (*Ithkuil, Iṭkuil*) Дж. Кихады. Не всегда можно провести четкую грань между этими двумя разновидностями искусственных языков: авторы языков, предназначенных для литературы (или кинематографа, как в случае с языками клингонов и на'ви), также могут экспериментировать. В частности, экспериментальный язык *лаадан* (*Láadan*), предназначенный для проверки гипотезы Сепира-Уорфа, подробно описан в научно-фантастической трилогии «Родной язык» (*Native Tongue*) писательницы и лингвиста С. Хейден-Элджин, которая попыталась создать язык, предназначенный для женщин, т.е. такой язык, на котором женщина могла бы выразить свои мысли наилучшим образом. [12; 13]. Ни один из этих языков нельзя назвать априорным, поскольку он в значительной мере опирается на грамматику и фонетику естественных языков — в частности, фонетика и морфология квэнья близка к прибалтийско-

⁶ Ср. знаменитые строки из «Вавилонской библиотеки» Х.Л. Борхеса: *Un número n de lenguajes posibles usa el mismo vocabulario; en algunos, el símbolo biblioteca admite la correcta definición ubicuo y perdurable sistema de galerías hexagonales, pero biblioteca es pan o pirámide o cualquier otra cosa, y las siete palabras que la definen tienen otro valor. Tú, que me lees, ¿estás seguro de entender mi lenguaje?* [LBB] «Число n возможных языков использует один и тот же словарь; в некоторых символ библиотека получает верное значение 'бесконечная, вездесущая и вечная система шестигранных галерей', но в других он означает 'хлеб', 'пирамиду' или что-либо иное, и семь слов из его дефиниции имеют иные значения. Уверен ли ты, читающий меня, что понимаешь мой язык?».

⁷ Язык воинственной расы клингонов из сериала «Звездный путь» (*Star Trek*).

⁸ Язык обитателей планеты Пандора из фильма «Аватар» (*Avatar*).

⁹ Языки, созданные для телесериала «Игра престолов» (*Game of Thrones*) по мотивам цикла Дж. Р.Р. Мартина «Песнь льда и пламени» (*The Song of Ice and Fire*).

финским, ыфкуиль обнаруживает известное сходство с морфонологией абхазско-адыгских, видо-временной системой нигеро-конголезских, именным словообразованием семитских языков [15]. Сюда же можно отнести вымышленный язык Набокова в романе «Под знаком незаконнорожденных» (*Bend Sinister*).

Рассмотрим примеры слов и выражений на этом языке. Во всех контекстах автор использует систему записи, выглядящую как практическая транскрипция с элементами транслитерации. Для передачи долготы звуков применяется *h* (*stuhdar*), для шипящих в словах русского происхождения — *sh*, *shch*, *ch* (*ogneprashchi i strely zlovo roka*), а в «куранианских» — *sch* (*gospitalischa kruvka*), [z] в интервокальной позиции обозначается с помощью *-s-* (*v rasume*), *z* используется, по-видимому, для обозначения [ts] (*mirokonzepsia*) и [z]. Для обозначения фрикативного звука [ʒ] используется *j* (*donje te zankoriv < dont j'étais encore ivre*), для [j] — *i*, *ĩ*. При анализе «куранианских» лексем едва ли возможна реконструкция полного авторского замысла, и поэтому мы можем лишь пытаться примерно восстановить значение в тех случаях, когда его не дает сам автор, и искать аналоги в живых языках. Среди последних особое внимание следует уделять, очевидно, тем языкам, которыми особенно хорошо владел автор — русскому, английскому, французскому и немецкому.

Далее следует комментарий к «куранианским» примерам по мере их появления в тексте Набокова.

Глава 2: *Gospitalischa kruvka* ‘больничная койка’, *kruv* ‘ворон’ (ср. также ассоциации с идиомой *черный ворон*).

Суффикс *-isch* является явным немецким заимствованием. Судя по всему, слово произносится с взрывным звуком [g], что заставляет предположить русское влияние. Заметим, что придыхание [h] в примерах немецкого происхождения заменяется на [k] — см. ниже *mohen kern < meine Herrn*.

Kruvka — возможно, искаж. рус. *кроватька*. *Kruv* — можно предположить звукоподражание или аналогию с англ. *crow* ‘ворона’ Происхождение от полностью совпадающих польск. *krówka* ‘коровка’ и хорватск. диал. *kruv* ‘хлеб’ (в литературном языке закреплена более архаичная форма *kruh*) представляется маловероятным.

Fahtung/fakhtung ‘бой’ — суффикс отглагольного существительного *-ung* является явно германским и встречается как в древних (древнеанглийский, древневерхненемецкий), так и в современных (немецкий) языках. Корень *faht-* (диал. *fakht-*) также имеет германское происхождение, ср. др.-англ. *feohtan* ‘сражаться’, нем. *fechten* ‘фехтовать’, нидерл. *vechten* ‘сражаться, бороться’).

Глава 3: *Komparatiwn Stuhdar en Sophistat tuen Pekrekh* or, as the title of the American edition had it, a little more snappily, *The Philosophy of Sin* ‘*Komparatiwn Stuhdar en Sophistat tuen pekrekh*, или, как более хлестко называлось американское издание, к “Философии греха” [ПЗН].

Komparatiwn — искаженное нем. *komparativen* ‘сравнительные’. *Stuhdar* — ср. лат. *studia* и восходящие к нему англ. *studies*, нем. *Studien*. *Tuen*, возможно, образовано по аналогии с нем. *zu*, нидерл. *te* ‘по направлению к’. Последнее более вероятно, ср. *ten*, образованное в результате слияния *te* и *den*, устаревшей дательной формы артиклей *de*, *het*). Это обусловлено грамматическими свойствами *Studien* — прежде всего, предложной валентностью (см., например, *Studien zur Struktur des Wissens* ‘исследования структуры знания’, букв. ‘к структуре’). Слово *sophistat* образовано от гр. *σοφία* ‘мудрость’ (или, как вариант, от *σοφιστής* ‘софист, ищущий мудрости’) с помощью суффикса, аналогичного рус. *-тет*, англ. *-ty*, нем. *-tät*, фр. *-té*, ит. *-tà* и пр., восходящего к лат. *-tas* (*civitas* > *citè*, *città*). *Pekrekh*, судя по переводу на английский язык, имеет значение ‘грех’. Слово представляет собой искаженное рус. *грех* или, что более вероятно, *погрешность* (с оглушением [g]). *En* — судя по контексту, соединительный союз, ср. нидерл., африкаанс *en* ‘и’.

Togliwn ochnat divodiv [*the daily surprise of awakening*] ‘ежедневное удивление от пробуждения’

Togliwn — вероятно, ‘ежедневный’. Ср. нем. *Tag*, *täglich*, идиш *tog* ‘день’, *teglekh* ‘ежедневный’. Следует обратить внимание на суффикс *-liwn*, близкий по форме к *-iwn* в предыдущем примере. *Ochnat* — видимо, искаженное ‘очи’. *Divodiv* — ср. рус. *диво дивное*. С другой стороны, *-iv* может быть падежной флексией (ср. ниже *Donje te zankoriv*).

Radabarbára ‘красивая женщина во цвете лет’. Можно предположить указание на греч. *βαρβára* ‘иноземка’ и производные от него женские имена во многих европейских

языках, включая русский. Возможна связь с англ. *rhubarb*, фр. *rhubarbe* или ит. *rabarbo* ‘ревень’, ср. *kapusta* в следующем примере.

Domusta barbarn kapusta [the ugliest wives are the truest] ‘самые уродливые жены — самые верные’.

Формант превосходной степени *-usta* (возможно, *-a* — флексия). Очевидно влияние германской системы склонений и, в особенности, связь со слабыми склонениями в древних германских, например, древненорв. *ljótasta* ‘самая страшная, самая уродливая’, *smæsti* ‘наименьший’, готск. *sinista* ‘старейший’, *armōsts* ‘беднейший’. Сходство с рус. *капуста*, предположительно, является намеренным и представляет собой каламбур.

Глава 4: *Mussikisha* ‘музыкальный салон’. Можно предположить влияние цслав. *куца*, болг. *къца* [‘kəʃta], сербск. *кућа* ‘дом’. С другой стороны, оглушение [z] в интервокальной позиции (*mussik*) заставляет предположить влияние иного языка. В частности, возможна связь с грузинск. *მუზიკობ / musik'is* ‘музыкальный’.

Parlamint ‘парламент’ — судя по транскрипции, является русским заимствованием.

Zud ‘суд’ — славянизм (следует отметить озвончение начального [s], сравнимое с германским влиянием; с другой стороны, можно предположить, что *z* обозначает аффрикату [ts]).

‘Prakhtata meta!’ poor Dr Azureus cried to the very quiet assembly. ‘Prakhta tuen adust, mohen kern! Profsar Krug malarma ne donje... Prakhtata!’

Prakhtata — видимо, искаженное нем. *Pracht* ‘великолепие, красота’ (также нидерл., ср. идиому *pracht en praal* ‘блеск и великолепие’), *prächtigt* ‘великолепный’. Происхождение аффикса может быть как германским (ср. нем. *-te*, формант претерита или причастия прошедшего времени, например: *prachtete* ‘щеголял, хвастался’), так и славянским — ср. русский суффикс *-m-* с грамматическими значениями наличия некоего признака (*хвостатый*) или его неполного выражения (*красноватый*). *Meta* — возможно происхождение от польск. *meta* ‘конечная черта, финиш’ (ср. укр., белорус. *мета* ‘цель’) или англ. *matter* ‘дело, вопрос’.

Profsar — судя по форме и учитывая редукцию гласного в среднем слоге, ударным является первый слог, ср. чешск. *profesor*, сербск. *про̀фесор*. В основу *donje*, возможно, легло французское *donner* ‘давать’. *Malarma* совпадает с прилагательным *malarma* ‘безоружный’ на эсперанто. С другой стороны, сам автор дает в предисловии следующее пояснение:

Stéphane Mallarmé has left three or four immortal bagatelles, and among these is *L'Après-Midi d'un Faune* (first drafted in 1865). Krug is haunted by a passage from this voluptuous eclogue where the faun accuses the nymph of disengaging herself from his embrace ‘*sans pitié du sanglot dont j'étais encore ivre*’ (‘spurning the spasm with which I still was drunk’). Fractured parts of this line re-echo through the book, cropping up for instance in the *malarma ne donje* of Dr Azureus’ wail of rue (Chapter Four) and in the *donje te zankoriv* of apologetic Krug when he interrupts the kiss of the university student and his little Carmen (foreshadowing Mariette) in the same chapter [BS] «Стефан Малларме оставил три или четыре бессмертных багателя и среди них “L'Après-Midi d'un Faune” (первый набросок датируется 1865-м годом). Круга преследует одно место из этой чувственной эклоги, где фавн порицает нимфу, вырвавшуюся из его объятий: “sans pitié du sanglot dont j'étais encore ivre” (“отвергнув спазм, которым я был пьян”). Осколки этой строки, словно эхо, перекликаются по книге, неожиданно возникая, например, в горестном вопле “malarma ne donje” д-ра Азуреуса (четвертая глава) и в “donje te zankoriv” извиняющегося Круга, когда он в той же главе прерывает поцелуй университетского студента и его маленькой Кармен (предвещающей Мариэтту)» [ПЗН].

Соответственно, *malarma* — это игровое переосмысление имени Малларме.

Sesamka ‘отмычка’ — судя по всему, отсылка к «Тысяче и одной ночи» (сказка «Али-Баба и сорок разбойников»), ср. рус. *Сезам, откройся*, англ. *Open sesame*, фр. *Sésame, ouvre-toi*.

Proshchevantze! ‘прощайте’ — рус. прост. *прощевайте*.

Donje te zankoriv ‘пожалуйста, простите меня’ — с одной стороны, как было указано выше, это искаженная цитата из Малларме (*dont j'étais encore ivre*). С другой стороны, *te* внешне похоже на служебное слово или местоимение, а *-iv* в *zankoriv* похоже на славянское падежное окончание генитива множественного числа (ср. украинск. *-iv* — вспомним возможное происхождение этнонима *Kuranian* — или словенск. *-ev*)’.

Глава 5: *Ballona* [festive gathering with dances]. По всей видимости, образовано от ит. *ballo* ‘бал’.

Pass the ball, Adamka ‘передай мяч, Адамка’ — уменьшительно-ласкательные суффиксы в куранианском имеют явно славянское происхождение (см. *kwazinka*, *sesamka*).

Krug played football [vooter], Paduk did not [nekht].

Nekht — искаж. нем. *nicht* ‘не’ (идиш *nisht*), совпадающее по форме с идишизмом *nekht* ‘но́чи’ (нем. *Nächte*).

A few [zaftpupen] 'softies' mooning on the broad window seats behind the clothes racks ‘нескольких [zaftpupen] «слабаков», млеющих на широких приоконных диванах за одежными виселицами’ [ПЗН]. *Zaftpupen* — искаженное написание нем. *Saftpuppen*, которое, вероятно, является авторским окказионализмом (*Saft* ‘сок, сила’, ср. идиому *ohne Saft und Kraft* ‘слабый’, букв. ‘без сока и силы’; *Puppe* ‘кукла’).

'Ustra mara, donjet domra' (a popular ditty lauding the intoxicating properties of gooseberry wine) ‘популярная частушка, прославляющая опьяняющие свойства крыжовенного вина’ фр. *mûre*, исп. *mora* ‘ежевика’.

Etermon ‘каждый’ (искаж. нем. *Jedermann* — аллюзия на пьесу Г. фон Гофманшталя “*Jedermann. Das Spiel vom Sterben des reichen Mannes*” ‘Каждый: пьеса о смерти богатого человека’, сочиненную по мотивам средневекового английского моралите “*The Somonyng of Everyman*” ‘призыв Каждого [на высший суд]’).

Глава 6: *knakerbrod* — искаж. нем. *Knäckerbrot* ‘хлебец’ с аллюзией на русский германизм *бутерброд*.

Глава 7: *David is also laid up with a cold [ist auk beterkeltet] but that is not why we had to come back [zueruk]. What [shto bish] were you saying about those rehearsals [repetitia]?*

‘Давид тоже слег с простудой (ist auk beterkeltet), но мы не потому вернулись назад [zueruk]. Так что [shto bish] ты говорил о репетициях [repetitiakh]?’ [ПЗН]. Используются русские (*что бишь, репетиция*) и немецкие (*zurück, ist auch erkältet*) заимствования. На основе немецких корней создается композит *beterkeltet* (*Bett-erkältet*, т.е. *erkältet im Bett* ‘простужен в постели’).

Ubit’ il’ ne ubit’? Vot est’ oprosen.// Vto bude edler: v rasume tzerpieren // Ogneprashchi i strely zlovo roka — Языковая игра, основанная на монологе Гамлета «Быть или не быть...» (один из героев делает шутливый, но идеологически выдержанный перевод пьесы Шекспира на местное просторечие). В приводимом макароническом тексте, русском в своей основе, содержатся следующие иноязычные вкрапления: *oprosen* (искаженное рус. *опрос*), *vto* (контаминация вопросительных местоимений в русском — *что* — и западногерманских языках, ср. нем. *was*, нидерл. *wat*; кроме того, это можно расценивать как метатезу в германском местоимении под иноязычным влиянием), *bude* (укр. *буде* ‘будет’), нем. *edler* ‘благороднее’ (*edel* ‘благородный’), *tzerpieren* (от рус. *терпеть*, белорус. *цярпець* в соединении с аффиксом из немецкого языка или идиш).

Глава 10: *Mirokonzepsia* — искаж. рус. *мироконцепция* (название философской работы главного героя).

Глава 11: *Kwazinka* ‘щель между створками ширмы’. Возможно, каламбур на основе рус. *корзинка* и префикса *квази-*. Подобные авторские окказионализмы встречаются и в русскоязычных произведениях Набокова — ср. *нетки*, о которых рассказывает мать Цинциннату Ц. [ПНК].

Zemberl ‘гофмейстер, управляющий дворца’ (в оригинале дается пояснение: *chamberlain*). Очевидно сходство с нем. *Zimmer* ‘комната’ и англ. *chamber* ‘палата, комната’, *chamberlain* ‘гофмейстер’ (как известно, перечисленные слова восходят к лат. *camera*). Нельзя также исключать связи с венгерск. *ember* ‘человек’¹⁰.

Глава 15: *Fruhtgenz* [*frontier geese*] ‘приграничные гуси’ — искаж. нем. *Frontgänse* ‘фронтовые гуси’.

¹⁰ В литературе отмечалось созвучие имен двух персонажей — протагониста, философа Адама Круга и его переводчика Эмбера: в сущности, оба имени (*Adam, Ember*) означают ‘человек’ — ср. [4; 11].

Turmbrokhen [*prison breakers*] ‘беглецы из тюрем’ — контаминация искаж. рус. *тюрьма* и нем. *brechen* ‘ломать’.

Глава 17: *Was ver a trum* [*what a dream*] ‘что за мечта’. Очевидна связь с нем. *was* ‘что’, *Traum* ‘мечта’. *Ver*, скорее всего, представляет собой нем. *für*, нидерл. *vir* ‘для’. Неопределенный артикль редуцировался до *a*, как в английском или африкаанс (ср. эволюцию нидерл. *een* в африкаанс *'n* [ə] — например, в [6]). Соответственно, получается аналог немецкой фразы *Was für ein Traum*.

Frishtik ‘завтрак’ — нем. *Frühstück*, рус. устар. *фрыштук*.

Piróshki, schtschi — местная еда (авторская ремарка: “*wrongly accented piróshki, badly spelled schtschi*”) ‘пирожки, произносимые с неправильным ударением, безграмотно написанные щи’. По-видимому, в *piróshki* акут указывает на ударение (возможно, то же касается и акута в *radabarbára*). Написание *schtschi* соответствует немецкой практической транскрипции русских слов; в большинстве случаев Набоков использует английскую практическую транскрипцию, ср.: *a feeling of shchekotiki (as we used to say in our childhood), half-tingle, half-tickle* ‘ощущение, которое в детстве мы называли *щекотики*, — не то зуд, не то щекотка’.

В целом, на основе фрагментов из «Под знаком незаконнорожденных» можно сделать следующие выводы о «курунианском языке».

С точки зрения фонетики, мы можем отметить отсутствие [h] и [x] в интернационализмах и германских заимствованиях: эти звуки переходят в [k] (*mohen kern < meine Herrn, auk < auch*) или [g] (*gospitalischa*). С другой стороны, в речи носителей диалектов встречается [x] (*fakhtung*). Переднеязычные гласные в словах немецкого происхождения или исчезают (*frishtik*), или меняют местоположение (*zueruk*). Можно предположить свободный или полуфиксированный характер ударения: судя по некоторым примерам, ударение может падать на предпоследний (*profsar, radabarbára, piróshki*) и последний слог (*donje te zankoriv*). Последнее подкрепляется также замечанием о переводе Шекспира в седьмой главе (вернее, труднопереводимой псевдоцитаты из Шекспира *follow the pert-taunt jauncing 'neath the rack // with her pale skeins-mate* [BS]), согласно которому англий-

ское *rack* ‘решетка, каркас, рама, вешалка’ при переводе на родной язык персонажа требует анапеста.

Лексика является в значительной мере западногерманской, причем в ней обнаруживаются и верхненемецкие, и нижненемецкие элементы (отсюда сходство как с немецким, так и с нидерландским). Несколько реже встречаются славянизмы. То же самое можно сказать и о словообразовательных и словоизменительных аффиксах.

В синтаксисе обращает на себя внимание эллипсис: глагол-связка опущен, как в восточнославянских языках (*domusta barbarn kapusta*). Порядок слова, по-видимому, SVO.

Несмотря на игровой характер, фрагменты на «курунианском» имеют определенное сходство с реально существующими контактными языками — ср. примеры из [1]:

Мичиф (язык потомков французских трапперов-*voyageurs* и женщин из индейского племени кри, возникший на основе французского и кри, а также содержащий значительный пласт английской лексики): *Un vieux opahikê-t ê-nôhçihçikê-t, êkwa un matin êwaniskâ-t ahkosi-w, but kêyapit ana wînitawi wâpaht-am ses pièges. Sipwêhtê-w. Mêkwat êkotê tasîhkê-t, une tempête. Maci-kîsikâ-w. Pas moyen si-misk-ahk son shack. Wanisi-n* (‘Один старик был-охотником, охотился и однажды утром проснулся, заболел, но все же он хотел-идти-смотреть свои ловушки. Он пошел. Тем-временем там, [пока] он-был-занят, [случилась] буря. Плохо-распогодилось. Нет способа найти-ему его хижину. Он потерялся’) [1, 62].

Медновский алеутский (язык, возникший в смешанных русско-алеутских семьях и относимый к эскимосско-алеутским): *Тысяча девятьсот двадцать четверты года я агал Mîdnam ila. Aba-qalî-ла-я када вюяна-х tin [= себя] ауугн-ил. И вот я ман акітах абā-ю. Пенсия-м kuga ū-ю, и все равно я абā-ю. Ну, aníyун у меня тоже qalagíit. Ну, huzúnj они ајупā-ют щас. Ígluŋ у меня ū-ют. ‘Я родилась в 1924 году на острове Медном. Работать-начала я, когда война началась. И вот я с того-времени работаю. Пенсию получаю, и все равно я работаю. Ну, детей у меня тоже много. Ну, все они большими-становятся сейчас. Внуки у меня есть’* [1, 63].

Если бы куранианский существовал на самом деле, его можно было бы назвать контактным языком на западногерманской (с верхне- и нижнемецкими элементами) основе с заимствованиями из славянских языков, а также современных французского и немецкого.

Таким образом, куранианский в романе «Bend Sinister» — это не только языковая игра, но полноценный конланг, хотя и не проработанный достаточно подробно. В.В. Набоков впоследствии вернулся к созданию вымышленных языков в произведении «Бледное пламя» (англ. *Pale Fire*; один из вариантов перевода — «Бледный огонь»); указанный роман содержит достаточно развернутые фрагменты (в том числе и стихотворные) на *Zemblan*, или земблянском языке (от нидерл. *Nowa Zembla* ‘Новая Земля’). Эти искусственные языки, содержащие искаженные элементы естественных, чем-то похожи на уже упоминавшиеся нетки — странные и нарочито искаженные игрушки, отражение которых в кривом зеркале оказывалось симметричным и приятным глазу. Фактически, здесь мы сталкиваемся с метафорой зеркал и отражений, характерной для творчества Набокова (см. [5]).

Источники

Ad — Nabokov, V. *Ada, or Ardor*.

BS — Nabokov, V. *Bend Sinister*.

LBB — Borges, J.L. *La Biblioteca de Babel*.

Pn — Nabokov, V. *Pnin*.

S — Пелевин В.О. *S.N.U.F.F. Утопия*.

БА — Пелевин В.О. *Бэтман Аполло*.

ПЗН — Набоков В.В. *Под знаком незаконнорожденных* (пер. С.Б. Ильина).

ПНК — Набоков В.В. *Приглашение на казнь*.

Литература

1. Беликов В.И. Языковые контакты и генеалогическая классификация // Вопросы языкового родства. М., 2009, № 1.

2. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск, 1990.
3. Дронов П.С. Фразеология и библеизмы в вымышленных языках // Die slawische Phraseologie und die Bibel — Славянская фразеология и Библия — Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie / Walter H., Mokienko W.M., Baláková D. (Hrsg.). Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013.
4. Козлова С. Гносеология отрезанной головы и утопия истины в «Приглашении на казнь», “Ultima Thule” и “Bend Sinister” В. В. Набокова // Владимир Набоков: pro et contra. Том 2. Сост. Б. Аверин. М., 2001.
5. Ляпон М.В. Зеркальное отражение: писатель в поисках метафоры творчества // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. М., 2013.
6. Миронов С.А. Африкаанс язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000.
7. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006.
8. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт классификации лакун как один из способов описания национальной специфики / Теория лингвистических классификаций. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1987.
9. Фещенко В.В. Лаборатория логоса: Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М., 2009.
10. Conley, T., Cain S. Encyclopedia of Fictional and Fantastic Languages. London, 2006.
11. Filonov Gove, A. Multilingualism and Ranges of Tone in Nabokov's Bend Sinister. // Slavic Review, 32, 1.
12. Glatzer, J. Interview with Suzette Haden Elgin // Absolute Write // http://web.archive.org/web/20070612005757/http://www.absolutewrite.com/novels/suzette_haden_elgin.htm.

13. Haden Elgin, S. *Native Tongue*. New York, 1984.
14. Oustinoff M. *Bilinguisme d'écriture et auto-traduction: J. Green, S. Beckett, V. Nabokov*. Thèse de Doctorat en lettres. France, 1997.
15. Quijada, J. *Ithkuil: A Philosophical Design for a Hypothetical Language*
http://www.ithkuil.net/00_intro.html.
16. Yarsawich, C. *Speaking in Tongues Vladimir Nabokov as a Multilingual* // Honors Junior/Senior Projects. Paper 49, 2007 // <http://hdl.handle.net/2047/d1000807>.